

**ПРОТОИЕРЕЙ
ДИМИТРИЙ ВАСИЛЕНКОВ**

Рукоположен в священника в 2004 г. В 2006 г. окончил Духовную семинарию, в 2006–2009 гг. прослушал курс Санкт-Петербургской Духовной академии.

Является сотрудником Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями.

По поручению Отдела командировался на Северный Кавказ для духовного окормления отрядов спецназа и подразделений разведки различных силовых структур, непосредственно участвующих в контртеррористических операциях. С 2006 г. совершил более 40 командировок на Северный Кавказ, крестил более 800 военнослужащих и сотрудников различных силовых структур. Во время одной из командировок был ранен в бою. В 2008 г. в Южной Осетии духовно окормлял воинские подразделения, участвовавшие в операции по принуждению Грузии к миру.

Награжден орденом Мужества, орденом Дружбы и другими ведомственными и общественными наградами.

**ПРОТОДИАКОН
ВЛАДИМИР ВАСИЛИК**

Доктор исторических наук, кандидат богословия, кандидат филологических наук. Профессор СПбГУ (кафедра Истории славянских и балканских стран), профессор Сретенской семинарии, профессор Николо-Угренской семинарии. Член Синодальной богослужебной комиссии.

Путь архистратига
Преодоление зверя

протоиерей **Димитрий Василеников**
протодиакон **Владимир Василик**

протоиерей
**Димитрий
Василеников**

протодиакон
**Владимир
Василик**

**Путь
АРХИСТРАТИГА**

Преодоление зверя

ОНИ ЗАЩИЩАЮТ
ОТЕЧЕСТВО

С конца 1242 г. — начала 1243 г. потерпевшая поражение Русь начинает оформлять вассальные отношения с монгольскими завоевателями. Русские князья начинают выезжать за утверждением своих «отчин» в новообразованное государство — Золотую Орду, к хану Батыю. «Православная Церковь, традиционно действовавшая в тесном союзе с высшей государственной властью, после признания русскими князьями верховенства завоевателей не имела альтернативы вынужденному сотрудничеству с последними. Это определялось объективными условиями того времени, а не желаниями иерархов церкви»¹.

После поездки в Сарай-бату и Каракорум святой благоверный князь Александр Невский вынес твёрдое убеждение, основанное на объективных реалиях того времени, что ни Русь, ни даже вся Европа не могли противостоять военной силе Монгольской империи. Предложение Папы Римского добиться свободы и власти ценой предательства православной веры обрекло Русь в духовном плане на лишение помощи Божьей, в военно-государственном — на окончательный разгром русских княжеств и, возможно, их полное подчинение Монгольской империи и установление на Руси власти монгольской администрации. После этого сокрушение позиций Православной Церкви и установление духовного контроля над Русью было бы делом времени, печальная участь княжеств Южной Руси является тому примером.

После разрушения хитроумных комбинаций папского престола Александру Невскому при-

шлось исправлять тяжёлые последствия неразумной политики своего брата, князя Андрея, ввергнувшего Владимиро-Суздальскую Русь в противостояние с ханом Бату². Получив власть над монгольской империей после свержения власти ханши Огуль-Гаймыш, выдавшей в 1249 г. великокняжеский ярлык князю Андрею, и поставив великим ханом своего ставленника Менгу, Бату-хан получил возможность разобраться с креатурами своих противников на Руси³. Опираясь на ярлык, князь Андрей проводил независимую от Батыя политику, что привело к запланированному походу Неврюя на Владимиро-Суздальскую Русь⁴. Князь Александр Невский сделал всё возможное, чтобы Владимиро-Суздальская Русь избежала катастрофы и впоследствии испросил у нового хана прощение для своего брата⁵.

Однако святой князь Александр Невский славен не только тем, что оберег Русь с востока, но и тем, что железной стеной защитил её от Запада.

Тринадцатый век явился для Руси кровавой и переломной эпохой, в том числе и в отношении к Западу. Ряд исследователей, такие как отец Иоанн Мейендорф⁶, не без основания считают, что именно XIII в. стал временем окончательной фиксации религиозного раскола между православным и католическим миром (другие, как Б.Н. Флоря⁷, придерживаются иной точки зрения). Значительную роль в этом сыграл Чет-

2 Почкаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. С. 200–202.

3 Богданов А.П. Александр Невский. Друг Орды и враг Запада. М.: Вече, 2017. С. 258.

4 Горский А.А. «Бешицленя рати и великия труды...». Проблемы русской истории X–XV вв. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. С. 192–193.

5 Богданов А.П. Александр Невский. Друг Орды и враг Запада. С. 257–258.

6 О. Иоанн Мейендорф. Византийское богословие. С. 242.

7 См. Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира. С. 120.

1 Сочнев Ю.В. Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов и датировка ярлыка Менгу-Темира. // Российский исторический журнал. 2007. №2. С. 11.

вертый Крестовый поход, когда православные христиане с ужасом убедились в том, что защитники Гроба Господня повели себя, как хищники и святотатцы¹.

Русь представлялась завоевателям следующей жертвой после Византии. Следует отметить, что Запад XII—XIV вв. не включал Русь в христианскую ойкумену. Она стояла для него на одном уровне с татарами, арабами, турками, печенегами, половцами и прочими язычниками. Характерно наставление Франциска Ассизского своим ученикам: «Если кто из вас отправится в страны неверных — проповедовать язычникам, или грекам...»² — разницы практически никакой. А вот высказывание Генриха Латыша о Русской Церкви: «всегда бесплодная и бездетная»³, — что равнозначно определению иудейской синагоги. Русские весьма редко выступают в западных текстах как христиане. Характерно высказывание Бернарда Клервосского о том, что Русская Церковь заражена схизматическими заблуждениями, каковые подобает истребить с корнем⁴. А в одной из своих булл папа Григорий обобщенно говорит о «русских, сарацинах и других врагах католической веры»⁵.

Александр Невский не только отстоял северо-запад Руси от шведской и немецкой агрессии, но и совершил политический и духовный вы-

бор между Западом и Востоком, определивший жизнь Руси на века.

Для понимания отношений Руси и Запада и значения деятельности св. блгв. вел. князя Александра Невского⁶ необходимо новое прочтение его жития. Оно было составлено не позднее восьмидесятых годов XIII в. на основании свидетельств «самовидцев», тех, кто видел и общался со св. Александром, воевал вместе с ним в Невской битве и на Чудском озере. Некоторые исследователи, как например А.В. Назаренко, упрекают его в риторичности, обилии библейских цитат и образов. На взгляд других исследователей, это — достоинство текста, а не его недостаток. Благодаря методу «библейских тематических ключей»⁷ и герменевтике библейских цитат историки получают качественно иную информацию — и о мировоззрении автора, и о сообщаемых им событиях.

«Взоръ его паче инѣх человекѣ, и глас его — акы труба в народ, лице же его — акы лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его египетскый царь втораго царя въ Египт, сила же бѣ его — часть от силы Самсоня, и далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломоню, храборѣство же его — акы царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую. Инѣгде исполчися къ граду Асафату приступити, и ишедше гражане, побѣдиша плѣкъ его. И остана единъ, и възврати к граду силу ихъ, къ вратом граднымъ, и посмѣяся дружинѣ своей, и укори я, рекъ: «Остависте мя единого». Тако же и князь Александръ — побѣжая, а не побѣдимъ»⁸.

1 Вот как описывает взятие Константинополя неизвестный автор «Сказания о взятии Царьграда»: «Святую Софию и иные церкви въ градъ и вънь града, и монастыри въ градъ и вънь града пограбиша все, имъже не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати. Черньче же и чернице и попы облупиша и ньколико ихъ избиша, гръки же и варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остали». Повесть о взятии Царьграда // Библиотека Литературы Древней Руси. Т. 5. С. 72.

2 *Expositio litteralis in Regulam S. Francisci iuxta declarationes Nicolai III., & Clementis V. Venetiis, 1700. P. 22.*

3 Генрих Латыш. Хроника Ливонии // Славянские хроники. СПб., 1996. С. 32.

4 См. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 333.

5 Флоря. Б.Н. У истоков религиозного раскола. С. 138.

6 Из последних работ с полной библиографией Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский. Эпоха и память. СПб., 2009.

7 Пиккио Р. О библейских тематических ключах // *Slavia Orthodoxa*. М. 2005. С. 431–465.

8 Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. С. 358

Из приведенного фрагмента можно сделать следующие выводы. С одной стороны, с образом Иосифа связано египетское рабство, которое для Израиля, однако, было последствием единственной возможности выжить во время голода. С другой стороны, Иосиф — второй человек в Египте после фараона, которого возвел на эту степень сам фараон. Не исключено, что сравнение князя Александра Невского с прекрасным Иосифом связано не только с его впечатляющей внешностью, но и с дарованием ему ярлыка на великое княжение ханом, которого русское общественное сознание осмысляло как неверного, но царя. Правление Иосифа послужило на благо не только евреям, но и египтянам; св. князь Александр не только установил мир между Русью и Ордой, но и явился одним из основателей Сарайской епархии — миссионерской по своему назначению.

Образ Самсона, героя книги Судей, подразумевает оппозицию «Самсон — филистимляне», одинокий герой и сонмы язычников. Понятно, за кого принимаются шведы и немцы. Однако в образе Самсона отражается также и одиночество св. князя Александра, и то, что он неоднократно становился жертвой предательства, подобно тому, как Самсон был предан Далилой (Суд. 16, 4–21). Мотив одиночества и оставленности в этом фрагменте ярче всего присутствует в рассказе о Веспасиане, которого оставили его войны. Однако здесь едва ли не важнее другая тема — иудеев и иудейской войны, которая далеко не случайна. В христианской традиции Веспасиана считали бичом Божиим, выполнившим Божественный приговор над неверными иудеями, некогда бывшими народом Божиим,

но распятыми Христа и гнавшими Его апостолов. Соответственно, им и уподобляются немцы. Ниже мы увидим, что с иудеями сравниваются также изменники-псковичи.

Для понимания того, как на Руси относились к захватчикам-шведам, весьма показательны следующие слова жития: «Слышавъ король части Римскыя от Полуношныя страны таковое мужество князя Александра и помысли в собѣ: «Поиду и плѣню землю Александрову». И събра силу велику, и наполни корабля многы полковъ своих, подвижеса в силѣ тяжцѣ, пыхая духомъ ратным. И прииде в Неву, шатався безумиємъ, и посла слы своя, загордѣвся, в Новѣгородъ къ князю Александру, глаголя: «Аще можеша противитися мнѣ, то се есмь уже zde, плѣняя землю твою»¹.

Здесь значимо многое. Во-первых, наименование шведского короля, точнее, его наместника Ульфа Ласси, королем страны Римской из Полуночной земли. Шведы именуются римлянами, что указывает на их чуждость подлинному христианству, поскольку является синонимом «латинянин». В духовном смысле они как бы уподобляются Пилату и распинателям Христа. Нелишне также напомнить, что в известном на Руси толковании Ипполита Римского на Даниила антихрист будет римским императором. Характерно также и упоминание о «Полношной стране» — вспомним слова из пророка Исаии, традиционно относимые в христианской экзегезе к Люциферу — Сатане: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на

¹ Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. С. 360.

небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; (Ис. 14, 12–13). И наконец, слова «шатаяся безумием» является аллюзией одновременно на два стиха Псалтири, связанные с безбожием и богопротивлением. Первый — «рече безуменъ в сердце своемъ: «Нестъ Бог» (Пс. 13, 1). Второй связан с восстанием язычников и избранного народа против Христа: «Вскую шаташася языцы и людие поучишася тщетным?» (Пс. 2, 1).

Однако наименование шведского короля римским имеет также политический смысл: показывается его зависимость от римского папы. Возможно, это косвенный намек на то, что поход планировался и координировался римской курией. Еще в 1230 г. римский папа Григорий IX посылает буллу с призывом шведским рыцарям отправиться в Ингрию и Карелию, чтобы «бороться с жестокими язычниками». Учитывая тот факт, что это были новгородские земли, данная булла означала по сути дела объявление войны Новгороду. Следующая булла 9 декабря 1237 г. бичевала «врагов креста» — новгородцев и корелов, помощников финского племени емь, восставшего против шведов, и призывала к организованному походу против них¹. Наконец, в 1238 г. легат папы кардинал Вильгельм Сабинский участвует в подписании Стенбийского договора между Ливонским орденом и Данией, по которому король Вальдемар в случае похода на Восток получал два трети завоеванных земель, при этом данные земли находились на территории Новгорода². Соответственно, наместник шведского короля мог рассматриваться как часть

римско-католического (латинского) мира, тем более, что со шведскими войсками был епископ.

Но вернемся к тексту жития: «Александръ же, слышав словеса сии, разгоѣся сердцемъ, и вниде в церковь святыя Софиа, и, пад на колѣну пред ольтаремъ, нача молитися съ слезами: «Боже хвалный, праведный, Боже великий, крѣпкий, Боже преѣчный, основаый небо и землю и положивый предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чюжую часть». Въсприимъ же пророческую пѣснь, рече: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ»³.

Молитвы св. князя Александра имеют известные соответствия в молитвах константинопольского Евхология в день брани и нападения. Характерна цитата из 34 псалма: «Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне». Этот псалом стихословился во время военной опасности. Однако он связан со страстями Господними, и читается также на службе Великой Пятницы. Мы увидим ниже, что он играл особую роль в мировоззрении и жизни св. князя Александра.

«И, скончавъ молитву, въставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же бѣ тогда Спиридонъ, благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: «Не в силах Богъ, но въ правдѣ. Помянемъ Пѣснотворца, [иже рече: “Сии въ оружии, а си на конѣх, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом”». Сии рѣк, поиде на нихъ

1 Кривошеев Ю. В. Александр Невский. Эпоха и память. С. 71.

2 Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола. С. 145.

3 Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. С. 360.

в малѣ дружинѣ, не създався съ многою силою своею, но уповая на Святую Троицу¹.

Слова «Не в силе Бог, но в правде» являются личным афоризмом св. князя Александра Невского, однако, он настоян на мудрости Священного Писания. Сравним слова из Притч Соломона: «Правда избавляет от смерти» (Прит. 10, 2).

Значима и цитата из 19 псалма: «Сии въ оружии, а си на конѣх, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом». Во-первых, это предначинательный псалом утрени, что подчеркивает благочестие св. благоверного князя Александра, у которого он был на слуху. Во-вторых, стоит вспомнить окончание этого псалма: «Господи, спаси царя и услыши ны, в онъ же аще день призовемъ тя». Это так называемый ктиторский псалом, который читался в Константинополе в присутствии царя и знаменовал спасение и сохранение Византии — священного Греческого (для Руси) царства, которое, по мнению православных людей средневековья, держалось не столько военной или иной силой, сколько верой и молитвой. Византия в известном смысле явилась образцом для Киевской Руси. Таким образом, выстраивается следующий дискурс: Святая Русь — наследница священного царства — сталкивается с безбожным, антихристианским римским королевством, и судьбу боя решает не многочисленность войск, а Божие благословение, вера и мужество.

Перед боем старейшина корел благочестивый Пелгусий, во святом крещении Филипп, стороживший Невские пределы, сподобляется чудес-

ного видения: «Стоящую же ему при краи моря и стрежаше обою пути, и пребысть всю ночь въ бдѣнии. И яко же нача вѣсходити солнце, слыша шюмъ страшень по морю и видѣ насадъ единъ гребущъ по морю, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глѣбъ въ одеждахъ чрѣвльных, и бѣста руки дръжаща на рамѣх. Гребци же сѣдяху, акы мглою одѣани. Рече Борисъ: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему князю Александру»².

Явление святых Бориса и Глеба далеко не случайно. Их убийца, князь Святополк, в свое время воспользовался помощью «латинян» — князя Болеслава Смелого и поляков, которые приходом своим осквернили Киев — мать городов русских. Позднее Святополк навёл на Русь печенегов, против которых вышел св. Борис перед своей мученической смертью. Ярослав Мудрый явился не только отмстителем за невинную кровь своих собратьев, но и защитником Руси от иноверного ига. Таким же защитником впоследствии стал св. благоверный князь Александр.

Стоит также обратить внимание на то, как именно являются свв. Борис и Глеб. Руки, положенные на плечи друг друга, знаменуют княжеское братолюбие, от недостатка которого так страдала Киевская Русь, что в конечном счете и привело к монгольскому завоеванию. Червлёные (красные) одежды — символ мученичества, в котором святые князья явили братскую любовь не только к своему недостойному брату Святополку, но и ко всему народу русскому. Тьма, в которой находятся гребцы — символ бед, которые претерпевала Русь в то время, а свет, окружав-

1 Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. С. 360

2 Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. С. 360

ший святых страстотерпцев — символ будущего избавления.

В их явлении есть еще один смысл: 15 июля, день Невской битвы — память св. равноапостольного великого князя Владимира. Ряд ученых считают, что местная киевская память именно благодаря победе Александра Невского становится общерусской¹. Через своих детей, святых Бориса и Глеба, св. равноапостольный великий князь Владимир, некогда отвергший латинских миссионеров, передает свое благословение князю Александру, сохраняющему его наследие. Здесь также проявляется особая тема апостольства св. князя Александра, которую мы рассмотрим немного ниже.

Обратимся к рассказу о Невской битве: «Оттолѣ потщався наеха на ня въ 6 час дне, и бысть с ѣча велика над римляны, [и изби их множество бесчислено, и самому королю възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ]»².

Св. князь Александр нападает на шведов в шестой час — время литургии, время распятия Христа. Важно и то, что в восстанавливаемой дружинной терминологии мы практически не найдем (кроме этого примера) выражения «положить печать». Следовательно, можно предположить иной источник для этого выражения, которым мог стать рассказ книги Бытия о постановке Богом печати на чело Каина, «чтобы встретившись с ним никто не убил его» (Быт. 4, 15). Если наша гипотеза верна, то рассказ получает дополнительные смыслы: король являет образ первого братоубийцы Каина, не убитого, но клеймен-

ного проклятием, а шведы в известном смысле становятся каинитами — искусными, активными, агрессивными, хищными.

Стоит обратить внимание и на другую деталь в житии, возможно, связанную с библейскими образами: шестеро храбрых св. благоверного князя, вероятно, связаны с тремя сильными царя Давида (2 Царств. 23, 8–12). Соответственно, образ св. князя Александра как нового Давида — борца с филистимлянами — получает дальнейшее подтверждение.

Наиболее ярко значение Невской битвы, как и отношение к шведам-католикам, показывает следующая библейская аналогия:

«Бысть же в то время чудо дивно, яко же во древняя дни при Езекии цесари, егда приде Санахиримъ, асурийскый цесарь, на Иерусалимъ, хотя плѣнити град святой Ерусалимъ, внезапно изиде ангель Господень, изби и от полка асурийска 100 и 80 и 5 тысящ, и, вѣставше утро, обрѣтошася трупья мертвы вся. Тако же бысть при побѣдѣ Александров, егда побѣди короля, об онъ поль рѣкы Ижеры, иде же не бѣ проходно полку Олександрову, здѣ обрѣтоша много множество избьеных от ангела Господня. Останокъ же их побѣже, и трупиа мертвых своих наметаша корабля и потопиша в мори. Князь же Александръ возвратися с побѣдою, хваля и славя имя своего Творца»³.

Таким образом, шведский король, точнее его наместник, уподобляется нечестивому царю Сенахериму, полководец которого Рабсак поносил Господа Израиля: «Так скажите Езекии, царю Иудейскому: пусть не обманывает тебя Бог твой,

1 Серегина Н.С. Песнопения древнерусским святым. С. 52.

2 Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. С. 360

3 Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. С. 361.

на Которого ты уповаешь, думая: «не будет отдан Иерусалим в руки царя Ассирийского». Вот, ты слышал, что сделали цари Ассирийские со всеми землями, положив на них заклятие; ты ли уцелеешь? Боги народов, которых разорили отцы мои, спасли ли их, спасли ли Гозан и Харан, и Рецеф, и сынов Едена, что в Фалассаре?» (Ис. 37, 10–12). Господь обещает праведному царю Езекии: «Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего». И обещание исполняется: «И вышел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек. И встали поутру, и вот, все тела мертвые». (Ис. 37, 35–36) Аналогичным образом, совершается чудо во время Невской битвы: шведы были побиты Ангелом даже там, куда не могли пройти воины Александра Невского. Показательно, что Русь осмысляет себя как Новый Израиль, св. благоверный князь Александр Невский уподобляется праведному царю Езекии, Пелгусий-Филипп — пророку Исаии, а шведы — безбожным и жестоким ассирийцам, поносящим Бога Израилева¹.

Переходим к Ледовому побоищу.

После Невской битвы происходит, на первый взгляд, малопонятное событие. Князь Александр испытывает людскую неблагодарность, когда гордые и кичливые новгородцы после Невской победы указывают ему путь из Новгорода. Он смиренно оставляет новгородское княжение и удаляется в Суздаль. Исследователи не без основания видят в этой «крамоле велей»² происки немецкой партии, которая желала удалить из го-

рода полководца, способного противостоять натиску ливонского ордена.

Это весьма вероятно и соответствует ходу событий: сразу же после ухода князя в августе-сентябре немцы вместе с датчанами и примкнувшим к ним князем Ярославом Владимировичем нападают на Изборск и берут его штурмом. Взятие столь сильной крепости трудно себе представить без измены. Попытка псковичей отбить Изборск обернулась тяжелым поражением и гибелью 600 псковитян, что тоже наводит на определенные размышления. И, наконец, боярин Твердила Иванкович сдает немцам и их ставленнику Ярославу Владимировичу Псков.

Показательна роль предательств в этих событиях. Ворота Изборска и Пскова отворили сторонники «немецкой партии», которая предала общерусское дело ради своих временных выгод, ради возможности свободно торговать с ганзейскими городами и получать прибыль. Из-за этого предательства и оказались возможны поражения и страдания, которые терпели новгородцы и псковичи в 1240–1241 гг.

Летопись и житие не рассказывают о расправе немцев с оппозицией во Пскове, но зная их методы, можно предположить, что она была достаточно жестокой³. Немцы захватили Копорье, Лугу, Тесово. Их разъезды показывались в тридцати верстах от Новгорода, сея смерть и разрушения. Всё это было бы невозможно или затруднено без деятельности изменников.

Новгородцы возвращают св. князя Александра, он смелым ударом выбивает немцев из Ко-

1 Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. С. 362.

2 Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. С. 144.

3 Позднее, когда в 1299 г. немцы осадили Псков, в псковском посаде они вырезали всех — женщин, детей, стариков, монахов Мирожского монастыря числом 17 человек.

порья, Изборска и Пскова и 5 апреля 1242 года выходит на лед Чудского озера.

Согласно «Житию», князь Александр Невский рассматривал битву с немцами, как суд Божий: «Князь же Александръ воздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою от языка непреподобна, и помози ми, Господи, яко же древле Моисию на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на окааннаго Святополка».

Мы видим, что здесь присутствуют тот же 34 псалом, что и в молитве князя перед Невской битвой (см. выше), также связанный с идеей Божьего Суда, и сходное сравнение крестоносцев с братоубийцей Святополком Окаянным. Здесь присутствует еще один образ, взятый из Исхода — Моисей и Амалик. С одной стороны, князь Александр выступает как защитник Закона Божия и Правды Божией, а крестоносцы уподобляются язычникам-амаликитянам, с другой стороны, уподобляясь Моисею, крестообразно простиравшему руки во время брани, св. князь Александр является подлинным защитником Креста, в отличие от самозванцев-крестоносцев.

Как и в рассказе о Невской битве, автор жития говорит о невидимой ангельской помощи, которая поражала врагов русского войска. Библейский архетип этой помощи понятен: это и та поддержка, которую Бог оказал Моисею в битве с Амаликом, Иисусу Навину в покорении Земли обетованной и взятии Иерихона, Езекии во время осады Иерусалима (см. выше).

Но для автора жития и его читателей это был отнюдь не литературный топос: для самовидца, рассказавшего об этом событии автору жития, это была сама истина: «Се же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видѣх полкъ Божий на

въздусѣ, пришедши на помощь Александрови. И тако побѣди я помощию Божию, и даша плещя своя, и съчахуть я, гоняще, аки по иаеру, и не бѣ камо утещи. Зде же прослави Богъ Александра предъ всѣми полкы, яко же Иисуса Наввина у Ерегона. А иже рече, имемъ Александра руками, сего дасть ему Богъ в руцѣ его». Не случайно святой князь Александр так любил 34 псалом, ведь в нём содержатся следующие важные слова: «Да будетъ тьма окрестъ ихъ и Ангель Господень прогоняяй ихъ». (Пс. 34, 8). Его молитва, согласно Житию, была услышана самым непосредственным образом: Божьи Ангелы секли так называемых «Божиих слуг». Некоторым образом, Ледовое побоище прообразовало последнюю битву Слова Божия и ангельских сил с воинством антихриста, о которой рассказывается в Апокалипсисе: «И увиделъ я отверстое небо, и вот конь бѣлый, и сидящій на нёмъ называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у Него какъ пламень огненный, и на голове Его много диадим. [Он] имелъ имя написанное, котораго никто не зналъ, кроме Его Самого. [Он был] облеченъ в одежду, обогренную кровью. Имя Ему: «Слово Божие». И воинства небесныя следовали за Ним на коняхъ бѣлыхъ, облеченныя в виссонъ бѣлый и чистый. Изъ устъ же Его исходитъ острый мечъ, чтобы имъ поражать народы. Онъ пасетъ ихъ жезломъ железнымъ; Онъ топчетъ точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя» (Откр. 19, 11–15).

Характерно то, как встречают святого благоверного великого князя Александра Невского: «И яко же приближися князь къ граду Пскову, игумени же и попове и весь народъ срѣтоша и предъ градомъ съ кресты, подающе хвалу Бого-

ви и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: «Пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдiti иноплеменьники и вѣрному князю нашему оружиемъ крестным и свободи градъ Псков от иноязычникъ рукою Александровою». Отметим, что текст этой стихиры в несколько изменѣнном виде находится в службе святому равноапостольному царю Константину (21 мая). Тем самым подразумевается апостольский характер того, что совершил св. князь Александр, и одновременно его незримая связь с наследием христианской империи: св. князь Александр становится духовным наследником равноапостольного императора — защитника христианского царства от варварства и безбожия.

Значимы и те слова, которые произносит св. князь в назидание псковичам: «О невѣгласи псковичи! Аще сего забудете и до правнучать Александровых, и уподобитесь жидом, их же препита Господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша и Бога своего, изведшаго я от работы изъ Египта». Речь св. князя Александра имеет непосредственную аналогию в антифонах Великой Пятницы: Сия глаголет «Господь иудеом: людие Мои, что сотворих вам? Или чим вам стужих? Слепцы ваши просветих, прокаженныя очистих, мужа, суца на одре, возставих. Людие Мои, что сотворих вам, и что Ми воздасте? За манну желчь; за воду оцет; за еже любити Мя, ко Кресту Мя пригвоздисте. Ктому не терплю прочее, призову Моя языки, и тии Мя прославят со Отцем и Духом, и Аз им дарую живот вечный» (Антифон 12). Таким образом, предатели-русские сравниваются с неблагодарными иудеями, забывшими своего Бога, изведшего их из Египта и, более того, распявшими его.

Подведем итоги нашего экскурса.

Тринадцатый век ознаменовался жесткой конфронтацией Руси и Запада, в которой страдательной стороной явилась Русь. Она потеряла почти все свои владения в Прибалтике и Финляндии и лишь ценой огромного напряжения сил, благодаря подвигу святого благоверного великого князя Александра Невского, а позднее Довмонта Тимофея и других защитников Руси, смогла отстоять свои исконные земли.

В этом столкновении Запад исходил из доктрины агрессивного прозелитизма и агрессивного миссионерства.

В рамках этой доктрины Русь и русских зачастую ставили на одну доску с татарами, арабами, пруссами, литвинами и прочими язычниками и христианами их, как правило, не считали.

В свою очередь русские люди, ужаснувшись жестокости и цинизму крестоносцев — немцев и шведов — относились к ним как к лжехристианам, духовным амаликитянам, филистимлянам и ассирийцам — врагам избранного народа. Немцы и шведы уподобляются каинитам и становятся в некотором смысле духовными потомками Святополка Окаянного. И немцы, и их пособники сравнивались с иудеями, распявшими Христа. В борьбе с крестоносцами сам Бог невидимо посылает свою духовную помощь. Сражение с ними уподобляется апокалиптической битве и становится Судом Божиим.